

УДК: 904.5(571.52)“6387”

К. В. Чугунов

ЦАРИ И БОГИ АЗИАТСКОЙ СКИФИИ (по материалам кургана Аржан-2)

В статье делается попытка определить статус мужчины и женщины, похороненных в основном захоронении кургана Аржан-2 в Туве. На основании данных археологии и работ по реконструкции мифологии скифо-сакских племен, делается вывод о том, что мужчина был «царём» с атрибутами первопродка, а женщина ассоциировалась с богиней царского очага.

Ключевые слова: погребально-поминальный комплекс, мифология скифо-сакских племен, мужские и женские атрибуты и костюмы.

Реконструкции религиозных представлений скифских племен, выполненные Светланой Сергеевной Бессоновой, давно вошли в «золотой фонд» скифологии и стали классическими. На них, как и на труды Д. С. Раевского, Б. А. Литвинского, В. А. Абаева, Ж. Демюзиля и некоторых других ученых, опирается любой исследователь, касающийся духовной культуры скифов. Эти работы, основанные на анализе письменных источников (прежде всего, Геродота) и великолепных находках произведений эллино-скифского искусства из курганов Причерноморья и Предкавказья, приоткрывают нам те нематериальные основы, на которых базировался весь жизненный уклад воинственных кочевых племен, обитавших в степях Восточной Европы в I тыс. до н. э.

Для азиатской зоны «скифского мира» таких трудов несравненно меньше. Это объяснимо, так как огромный горно-степной ареал обитания кочевников оказался почти недоступен для письменных цивилизаций, а их торовитика практически не включала антропоморфные образы. Тем не менее, археологические открытия ярких непотревоженных комплексов позволи-

ли и здесь продвинуться в решении вопроса реконструкции духовного мира ранних кочевников.

Наиболее фундаментальное исследование основано на анализе облачения «золотого человека», открытого в боковом погребении кургана Иссык в Семиречье (Акишев 1978). А. Акишев в своей фундаментальной работе не только предложил реконструкцию мифологии сакских племен, но и уточнил датировку захоронения, которая сейчас является общепризнанной и располагается в диапазоне последней четверти IV — начале III в. до н. э. (Акишев 1984).

Несколько более поздним временем — концом III в. до н. э. — датируются курганы могильника Бугры, исследованные в северо-западных предгорьях Алтая Южно-Сибирской экспедицией Государственного Эрмитажа и экспедицией Алтайского государственного университета (Чугунов 2017; Тишкин 2012). Все захоронения здесь ограблены, но находки, сделанные при их исследовании, позволяют предполагать, что могилах также были похоронены «золотые люди». Эти материалы показывают, что кочевники степных предгорий Алтая были теснейшим образом связаны с племенами, обитавшими в Семиречье, и находки в Буграх позволяют не только экстраполировать на них семантико-интерпретационные разработки, выполненные для погребения «золотого человека» в Иссыке, но и, в свою очередь, верифицировать эти выводы на новом уровне. Предварительно, еще до завершения исследований, это было сделано в отдельной работе (Чугунов 2014).

Сейчас раскопки в Буграх завершены и проведена некоторая аналитическая работа полученных материалов. Установлено, что в

© К. В. ЧУГУНОВ, 2018

центральной погребальной камере кургана 1, имеющей очень внушительные размеры (8,80 × 6,40 м), была похоронена женщина, а две боковые сопроводительные могилы, сооруженные позже — мужские. Это заставляет несколько иначе интерпретировать как структуру общества, оставившего этот могильник, так и рассмотреть по-новому связанные с ним культы.

Значение книги А. Акишева (1984) трудно переоценить. Он убедительно показал на широком археологическом, историческом и лингвистическом материале существование у саков культа военного и религиозного предводителя, которого ассоциировали с солярным божеством — вероятно, Митрой. Им также справедливо указана правомерность использования для реконструкции сакской мифологической системы материалов и источников, привлекаемых для воссоздания мировоззрения скифов. Кроме того, отмечается большая традиционность мифологии кочевников восточного ареала по сравнению с европейскими номадами, так как они сталкивались в основном с близкородственными духовными культурами цивилизаций Средней Азии (Акишев А. 1984, с. 171). В указанной выше работе (Чугунов 2014) было отмечено, что экстраполяция реконструкции мифологии сакских племен, выполненной на основе погребения в Иссыке, на более древний, но также непотревоженный богатейший комплекс тувинского кургана Аржан-2, позволяет предполагать зарождение ее базовых основ в среде центрально-азиатских кочевников. Не претендуя на всеобъемлющее раскрытие этой сложнейшей темы, в предлагаемой работе я попытаюсь показать лишь некоторые её аспекты с опорой на указанные выше разработки.

Реконструкция костюмов погребенных в царской могиле Аржана-2 позволяет говорить, что традиция золотых облачений представлена здесь в несколько иной форме, отличной от значительно более поздних комплексов Иссыка и Бугров. Б. А. Литвинский подробно рассмотрел традицию золотых облачений в русле мифологических представлений индо-иранских племен. На основании анализа древнеиндийских (Шатапатха-Брахмана, Калидаса) и древнеиранских (Авеста) источников, он обозначил ряд соответствий золоту в культуре: золото как олицетворение царской (военной) власти; устойчивость цикла «царь — огонь — золото; золото = солнце; золото = фарн (особенно — царский фарн)» (Литвинский 1982). Все эти соответствия представлены в различных вариантах в скифской генеалогической легенде (Herod., IV, 5), подробно рассмотренной с разных точек зрения Д. С. Раевским (1977) и С. С. Бессоновой (1983, с. 10—24), а имя первопредка скифов Колоксай переводится как Солнце-царь (Абаев 1949, с. 229).

На первый взгляд, богатый золотой декор костюма аржанского «царя» и всех атрибутов,

сопутствующих ему, в полной мере позволяют соотнести этого погребенного с солнечным божеством. Наряд его в Аржане-2 интересен еще одной деталью, которую нельзя не отметить. Кости ног мужского скелета были сплошь покрыты мельчайшим золотым бисером, украшавшем штаны погребенного. В связи с этой находкой интересен приведенный Б. А. Литвинским пассаж о средневековом правителе X в. Маравидже бен Зийаре, воспринявшем домусульманские царские эмблемы Ирана, которому рассказали, что царь всемирного царства должен иметь желтые ноги и особые отметины на теле. Он провозгласил тогда, что его ноги золотистого цвета и поэтому он — монарх для всех (Литвинский 1982, с. 40). Это свидетельствует о чрезвычайной стойкости и длительности существования традиционных представлений о солярной сущности царя. Однако, являлся ли вождем, погребенный в Аржане-2 в VII в. до н. э., божеством для своих подданных?

Необходимо обратить внимание, что мужчина и женщина в этом парном погребении были одеты в сопоставимые по богатству наряды. Расположение их на полу погребальной камеры также почти равнозначно. На некоторую патрилинейность обряда может указывать лишь размещение женщины за спиной мужчины, что, вероятно, имело значение. Несомненно, спутница «царя» имела в погребальном ритуале не меньшее значение и сама могла ассоциироваться с божеством. Например, Шатапатха-брахмана говорит о том, что царь женится на Шри — богине судьбы. Она пребывает в царе, являющимся шримантом — «владеющим Шри», то есть царица также являлась царским фарном (Литвинский 1982).

Реконструкция мифологии скифских племен предлагается, как правило, на основе анализа антропоморфных изображений на предметах прикладного искусства в сочетании с рассмотрением сведений, предоставляемых письменными источниками. Такой подход невозможен при анализе материалов Аржана-2, так как антропоморфные образы в богатейшем комплексе отсутствуют. Однако здесь на первый план выступает уникальная сохранность памятника и сделанные при его исследовании наблюдения.

Прежде чем перейти к рассмотрению обозначенной темы необходимо отметить одно важное обстоятельство. Внутреннее пространство погребальной камеры практически не было заполнено грунтом, что обусловило особый микроклимат в захоронении, при котором естественные процессы гниения и разложения органики проходили по-разному. В ходе расчистки мы столкнулись с тем, что весь пол погребальной камеры был покрыт слоем влажной студенистой массы. Толщина его в ряде мест достигала пяти сантиметров. Все кости, находившиеся в этой, по-видимому, очень агрессивной среде, не сохранились или прослеживались лишь в

виде следов. В то же время, все предметы из дерева и прочие растительные остатки сохранились в погребальной камере великолепно. Такой микроклимат, уничтоживший органику животного происхождения и почти не затронувший растительную органику, вероятно, был обусловлен деятельностью различных микроорганизмов в пространстве могилы, достаточно быстро изолированном от внешней среды. Этот фактор очень важен, так как позволяет в анализе полученных данных исходить из того, что все, даже самые мельчайшие растительные продукты и деревянные элементы найденных предметов сохранились, но если их наличие не зафиксировано, то значит, они отсутствовали изначально.

Богатство основного захоронения в Аржане-2 беспрецедентно, но его насыщенность золотом еще не свидетельствует об отождествлении погребенных с божествами. Очевидно, что предметы, помещенные в могилу, в процессе ритуала приобретали новые сакральные функции. Исследования погребальных памятников показывают, что в мировоззрении племен скифского типа при переходе от профанного к сакральному большую, если не решающую роль играло золото. Практически во всех областях их расселения золотые предметы содержатся в погребениях, которые по всем параметрам нельзя считать захоронениями элиты. Из золота может быть выполнена какая-то мелкая деталь одежды, серьга или небольшая накладка. Зачастую такой золотой атрибут находится рядом с головой погребенного. Вероятно, это не случайно, так как золото, помимо всего прочего, олицетворяло фарн, а именно с головой, как показал на многих примерах Б. А. Литвинский (1982), многие народы связывают местопребывание души и средоточие верховного божества. И это касалось не только элитарного слоя, но и рядовых членов социума, хотя царский фарн всегда выделялся особо.

Соответственно, в «царском» захоронении переход от профанного к сакральному выражен наиболее отчетливо. Из Геродота нам известно описание царского погребального обряда у скифов, где, помимо прочего, говорится, что в захоронение с царем клали только золотые чаши, а «серебром и медью они совсем не пользуются» (Herod. IV, 71). Греческий историк привел это замечание, несомненно, со слов носителя традиции. Однако, исследования курганов как собственно в Скифии, так и далеко к востоку от нее, показали, что в царские могилы помещали не только предметы, выполненные из золота, но и изделия из

других материалов. Не потревоженный комплекс Аржана-2 также содержал не только золото, хотя оно абсолютно преобладало. Здесь найдены деревянный ковш, блюдо, каменные жертвенники и оселок, бронзовые котлы, зеркала и сосудик, а также предмет из оболочки рога, который сохранился лишь в виде следов. Однако все эти изделия или их чехлы были специально для погребения дополнены каким-то элементом из золота. Это могла быть накладка в виде завитка, обойма или ворворка на ремешке. Вероятно, с точки зрения носителей традиции, так эти атрибуты тоже становились золотыми. Не случайно все оружие, выполненное из железа, было покрыто золотым ажурным узором, а кожаный горит также обложен золотым листом и вышит бляшками. Трасологические исследования показывают, что многие предметы, найденные в могиле, были изготовлены или декорированы непосредственно перед погребением (Минасян 2004).

Гораздо важнее для раскрытия обозначенной темы, что в размещении различных предметов в царской могиле Аржана-2 можно выделить две зоны — мужскую и женскую, и соотнести с захороненной парой (рис. 1). Подобное расположение атрибутов, с учетом местных особенностей погребального обряда, было показано

Рис. 1. План основного погребения в кургане Аржан-2 с обозначением мужской и женской зон. Цифры на плане: 1 — подвеска в виде котла; 2 — местонахождение декора плети; 3 — каменные жертвенники, остатки плодов и зёрен растений

Рис. 2. Золотая подвеска в виде котла. Фото В. С. Терещина

Д. А. Мачинским в комплексе Толстой Моги- лы, где на основании анализа греко-скифского искусства и античных текстов реконструируется символическое присутствие пары божеств — Ареса и Аргимпасы, где первый обозначался мечом в золотых ножнах, а вторая пекторалью (Мачинский 1978, с. 147). Соответственно, божественная сущность погребенных должна быть отражена в неких специальных, только им присущих атрибутах или их сочетаниях.

Мужская зона, соотносимая с «царем», располагалась перед ним и включала оружие, обильно украшенное золотом. Оно было уложено на парадный пояс и портупею. Здесь лежали горит с луком и стрелами, чекан и плеть. Последний атрибут не имел деревянной рукояти, а был, вероятно, сплетен из кожаных ремней (рис. 3). Маленькими деревянными щепками были расклинены массивные золотые наконечники, один из которых имел боковую петлю. Плеть, вероятно, имела раздвоенный конец, на который были надеты литые золотые ворворки, обнаруженные рядом.

Прочие предметы, относящиеся к мужскому погребению, были найдены прямо на скелете и связаны с украшением одежды «царя» или относились к атрибутам, закрепленным непосредственно на костюме. О нескольких тысячах бляшек, покрывающих скелет до пояса, и золотом бисере в районе ног уже упомянуто выше. Кратко опишем остальные находки.

Головной убор был декорирован четырьмя пластинами в виде лошадей, бляшкой в виде хищника, аналогичной закрепленным на костюме, и навершием в виде фигуры стоящего

олена. В районе левого уха лежала золотая серьга с конусом, покрытом зернью, с бирюзовыми бусами от ее подвеса. На шее погребенного располагалась массивная гривна, покрытая рядами изображений животных. Этот предмет несомненно использовался при жизни владельца, о чем свидетельствуют следы на его поверхности и тамга, процарапанная на внутренней стороне лицевого щитка.

Непосредственно на скелете за правым крылом таза располагались ножны с акинаком и ножами, что предполагает обязательное наличие у погребенного еще одного пояса или кушака. Помимо ножен, к этому кушаку был подвешен оселок с золотой ворворкой в отверстии, и сумка, вышитая бусами и подвесками. Кроме того, на его свисающем окончании могла быть закреплена золотая подвеска в виде котла (рис. 2), которая откатилась в сторону в момент падения ножен при развале скелета (рис. 1: 1). Расположение вотивного котла в могиле не позволяет уверенно отнести этот предмет к атрибутам мужского или женского наряда, о чем мне уже приходилось писать в специальной работе (Чугунов 2006). Тем не менее, он, безусловно, имел особое значение, а отнесение котелка к наряду «царя» ассоциируется с рассказом Геродота (IV, 10) о чаше, которую скифы подвешивали к поясам в память о своем предке Геракле.

Рассмотрение мужских атрибутов в основном погребении Аржана-2 с точки зрения его «богатства», безусловно, указывает на экстраординарный статус похороненного человека. Социальный статус его не вызывает сомнений: погребенный мужчина относился к высшему слою кочевников и его можно назвать вождем или «царем» племени или племенного объединения, соорудившего этот памятник. Надо также учитывать, что сам мемориал вполне отвечает всем критериям «царского» погребального обряда (Массон 1976, с. 169). Но, как справедливо отметила С. С. Бессонова, «одно дело — божественное происхождение царской власти и другое — сверхъестественный характер личности царя, уподобление его божеству» (Бессонова 1983, с. 66).

Как уже было отмечено, при анализе имеющихся данных и попытках реконструировать мировоззрение кочевников Тувы раннескифского времени, надо учитывать, что многие разработки в этой области сделаны на гораздо более позднем материале. А. Акишев, рассматривая погребение «золотого человека» из кургана Иссык, определил его как Митру не исключая влияния на мировоззрение саков

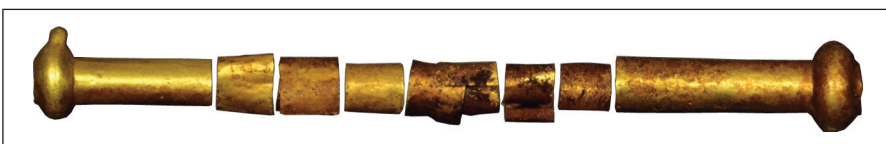

Рис. 3. Фото золотого декора плети

ахеменидской теократии (Акишев А. 1984, с. 99). По-видимому, концепция «царь = бог» складывалась постепенно, со становлением деспотического строя и при переходе к монотеизму (Бессонова 1983, с. 66). Кочевникам Тувы в VII в. до н. э. едва ли было свойственно и то и другое.

Если сопоставить мужскую зону «царского» захоронения в Аржане-2 с погребальным обрядом синхронных и однокультурных рядовых воинских могил, то выяснится, что набор сопроводительных предметов почти совпадает. Даже размещение воинских атрибутов в погребальной камере зачастую такое же — парадный пояс с чеканом, луком и колчаном обычно укладывался рядом, а нож или кинжал были закреплены на другом поясе, надетом на самого погребенного. На первый взгляд, выделяет захоронение «царя» только обилие золотого декора на всех атрибутах, что позволяет определить его статус как «первый среди равных». Исключение — золотой миниатюрный котелок на кушаке, который, как отмечено, ассоциируется с чашей Геракла. Вероятно, это особый атрибут, указывающий на происхождение «царя» от легендарного первопредка. По-видимому, память об этом обычае была принесена предками скифов в Причерноморье «из глубин Азии» уже в виде сказаний и была записана Геродотом.

Совпадение сюжета, вероятно, восходит к общей индо-иранской основе, где наиболее подходящим персонажем, претендующим на роль первопредка, является авестийский Йима — первый царь ариев. Не случайно, как убедительно показала С. С. Бессонова (1983, с. 17—19), образ Йимы во многом соответствует Колаксаю скифской генеалогической легенды. Важно, что рассказ о Йиме содержится во второй главе Видевдата, которая считается одной из наиболее древних в Авесте. Там говорится, что он получил от Ахура-Мазды два орудия для расширения земли. Толкование первого названия у разных исследователей расходится. И. М. Стеблин-Каменский понимает его как «золотой рог» (Стеблин-Каменский 2009, с. 12—14). Предлагались также переводы этого слова, как «стрекало» (М. Дрезден), «золотая стрела» (С. Н. Соколов, А. А. Фрейман), кольцо, плуг, палка и некоторые другие варианты. Второе из орудий всеми единодушно переводится как «кнут», «хлыст» или «плеть», украшенная золотом (Авеста... 1997). Логично предположить, что, если «царь» в обществе, оставившем Аржан-2, ассоциировался с Йимой, то такие священные орудия должны его сопровождать в царство мертвых и находиться с ним в погребальной камере.

Для второго предмета — плети — соответствие в «царском» комплексе Аржана-2 есть: она, украшенная золотыми наконечниками и колечками из золотого листа по всей длине (рис. 3), лежала вместе с оружием и поясом пе-

ред «царем». Не исключено, что именно такая ее конструкция — целиком сплетенный из кожаных ремней хлыст — должна была отделять этот особый предмет от обычных всаднических плеток с деревянной рукоятью.

Рассмотрим соответствия первому предмету последовательно, в соответствии с вариантами его толкования переводчиками. Золотой рог, конечно, можно соотнести с зафиксированным в западном углу погребальной камеры изделием из роговой оболочки, которое очень плохо сохранилось. Однако, во-первых, оно не золотое (но, вероятно, было украшено накладкой в виде завитка из золотого листа, лежавшей рядом), а во-вторых, оно помещено в женскую зону могилы.

Стрекало, по сути, является аналогом плети, но использовалось для стимулирования тягловых животных. Палки с острым, загнутым вбок окончанием часто изображались на изваяниях эпохи бронзы, причем зачастую рядом с изображениями быков. В Аржане-2, как и в других комплексах скифского времени, подобные предметы неизвестны, за одним исключением — в более раннем погребальном памятнике Аржан-5, исследуемым в настоящее время на этом же могильном поле, в сильно нарушенной могиле найден бронзовый наконечник с острым выступом (Рукавишников 2017, с. 169, рис. 2: 6). Эта находка, интерпретируемая автором как наконечник плети, указывает на устойчивость традиции у племен Тувы, поскольку этот комплекс как минимум на полтора века древнее Аржана-2.

На переводе первого предмета, полученного Йимой для расширения земли, как стрела, следует остановиться подробнее. Исследование её исторической семантики показывает огромное значение этого предмета в мировоззрении многих народов и участие в самых разнообразных обрядовых практиках (Калинина 2009, с. 142—208). Безусловно, такие представления о стреле могли сложиться очень рано, в глубокой древности. Вероятно не случайно четыре золотые стрелы размещены на кулахе «золотого человека» в Исыке. А. Акишев считает, что они соответствуют сторонам света (Акишев А. 1984, с. 44). Еще одно погребение «золотого человека», обнаруженное П. И. Шульгой в могильнике Локоть 4а, содержало только одну стрелу, древко которой было украшено золотом. Она была зажата в правой руке погребенного (Шульга 2003, с. 24—26, рис. 35; 38: 2). Соответственно, «стрела, удлиняющая руку» вполне могла быть тем «инструментом», которым Йима расширил землю.

В колчане «царя» Аржана-2 лежало 84 стрелы и только один экземпляр выделяется из общей массы размерами и декором (рис. 4). Устройство насада этой стрелы не сохранилось, но можно предположить, что наконечник крепился к древку при помощи зажимного насада.

Рис. 4. Железный наконечник стрелы с золотой аппликацией. Фото В. С. Терехина

Величина его трехгранной в сечении головки почти вдвое превышает размеры других наконечников в колчане. Абрис граней — листовидный. На каждой грани этой стрелы — аппликация из золота, изображающая фигуру хищной птицы с повернутой назад головой и голову антилопы перед ней. Образы переданы тонкой ажурной резьбой по золотому листу путем удаления частей фона. Такое изделие, несомненно, должно было выполнять особую ритуальную функцию, возможно, связанную с «расширением земли».

Интересно, что изучение колчаных наборов, происходящих из рядовых захоронений раннескифского времени показывает, что зачастую и в них присутствует одна «особая» стрела. Это может быть изделие с наконечником более архаичным относительно других стрел, или стрела, украшенная особым образом. Например, в колчане из могилы 1 кургана 4 могильника Копто имелась трехгранно-трехлопастная черешковая стрела с литым орнаментом (Чугунов 2005, с. 83, ил. 10: 5). В ритуальном «кладе» 2 в Аржане-2 среди наконечников, обычных для алды-бельской культуры Тувы, присутствовала двухлопастная втульчатая стрела, вероятно, относящаяся к предшествующему периоду, отличающаяся по составу металла. Перечисление таких случаев можно продолжить, но важно то, что в культуре номадов, несомненно существовали какие-то ритуалы, связанные с использованием стрелы. Можно предположить, что в основе их мог лежать культ Йимы, с которым ассоциировался вождь племени или «царь».

Как говорилось выше, мужчина и женщина в основном погребении Аржана-2 были одеты в костюмы, расшитые бляшками в виде кошачьих хищников. Эти бляшки, наряду с бусами и бисером, относятся к самым многочисленным находкам в могиле 5. Фиксация украшений костюмов обоих погребенных производилась на заключительном этапе исследования погребения. Для этого вся площадь их залегания была разбита на квадраты со стороной 10 см и нарисовано несколько послойных схем расположения рядов бляшек. Это позволило в значительной степени проследить и реконструировать декор одежды. Кроме того, в процессе работы были сделаны наблюдения, позволяющие предположить, что не сохранившейся основой, на которую были нашиты ряды хищников, являлась кожа. Такое заключение основано на

особенностях складок, фиксируемых на стыке различных слоев бляшек. Ряды их достаточно плавно переходили из слоя в слой, а не залегали плотно, как это могло бы быть в случае использования текстильной основы.

Очень помогло в разделении элементов декора костюмов двух погребенных то, что бляшки, воспроизводящие образ кошачьего хищника в одинаковой манере, были выполнены различными технологическими приемами. На костях мужского скелета все они литые, а на скелете женщины — тисненные из листового золота. Это позволило разделить украшения двух костюмов в месте их соприкосновения. Здесь слои литых и тисненных бляшек чередовались. Это позволяет утверждать, что погребенные были помещены в могилу одновременно.

Фиксация бляшек показала, что узор на мужском и женском наряде различается. На костюме мужчины многочисленные литые бляшки в виде профильной фигуры барса образовывали завитки в сочетании со спиралями. Такой орнамент можно сопоставить с мотивом сложного завитка, который очень разнообразно представлен в комплексе и, как отмечено при рассмотрении орнаментальных мотивов искусства памятника, широко распространен у кочевников раннескифского времени азиатской зоны (Чугунов 2011а, с. 53, 54).

На костюме женщины орнамент иной. Прослеженный узор её облачения — пламевидные изогнутые языки, образующие взаимовписанные и перетекающие друг в друга ромбовидные фигуры. Он поразительно напоминает одеяния, изображённые на композитных статуэтках богинь, распространённых в ареале гораздо более ранней культуры Бактрии и Маргианы, тесно связанной с Месопотамией. В. И. Сариниди сопоставил этот орнамент с типичным шумерийским одеянием «каунакес» и отметил, что у этого культа эламо-аккадские корни (Сариниди 2001, с. 51). В русле реконструируемых у номадов племенных культов «священного брака» царя с богиней, женского божества «царского очага» и т.п., уходящих корнями в индоиранскую мифологию (Бессонова 1983, с. 27—40), такое сопоставление не выглядит невероятным. Возможно, что похороненная в основном погребении Аржана-2 женщина олицетворяла подобный культ.

В связи с этим, безусловно, гипотетическим соотнесением двух традиций, разделённых почти полутысячелетним промежутком времени, надо отметить, что в пользу правомерности такого сопоставления говорит анализ технологических приёмов золотых изделий из комплекса Аржана-2.

Предметы, выполненные с применением сложной пайки в технике грануляции, широко представленные в памятниках ранних кочевников Тувы и Казахстана уже в начале 1 тыс. до н. э., появляются в Китае позже, и также,

вероятно, в результате контактов с номадами, как и многие другие традиции (Rawson 2017). В число приёмов, происхождение которых нельзя связать с китайской школой торевики, нужно отнести и перегородчатую инкрустацию, отмеченную уже в материалах Аржана-1 в Туве и Байгетобе в Восточном Казахстане. Можно предположить, что над этими шедеврами работали мастера из каких-то неизвестных пока оседлых центров, сохранившие ювелирные традиции страны Маргуш, которые, в свою очередь, тесно связаны своим происхождением с наследием Ближнего Востока и Месопотамии. Через посредство этих центров могли поступать кочевым вождям и бусы из бирюзы и индийского сердолика.

Уже отмечалось (Чугунов 2016, с. 245), что качестве приоритетного направления поиска таких центров вероятнее всего рассматривать территорию Хорезма, где мог происходить синтез древних традиций и проникновение их в культуру ранних номадов. Показательная находка в составе женского набора в Аржане-2 каменного клювовидного жертвенника, характерного именно для памятников Приаралья, непосредственно указывает на связь двух отдаленных территорий. В свою очередь, такая специфическая форма предмета, впервые обнаруженная так далеко к востоку от ареала основного распространения, вероятно, восходит к так называемым сосудам в виде почки, найденным в Гонуре (Сарианиди 2001, с. 62, рис. 27). Не исключено, что и сама женщина, погребенная с «царем» в Аржане-2, была привезена из этих или других отдаленных районов вместе с некоторыми атрибутами, относящимися к культуре, которой она олицетворяла. Её пришлое в Туве происхождение подтверждено специальными изотопными анализами (Люхов и др. 2007), что дает основания для такого предположения.

Таким образом, очень вероятно, что в Аржане-2 мы находим свидетельства культа женского божества, воспринятого ранними номадами из пантеона земледельческих обществ, где такие культы имеют глубокие корни, уходящие в эпоху неолита. Не случайно в женской зоне погребальной камеры найдены остатки плодов и зерен привозных растений (Neef 2010, s. 242—249), ритуальная посуда и каменные жертвенники, с одним из которых лежал деревянный пестик для растирания. Все эти находки можно связать с сакральными функциями, которые были возложены на спутницу «царя».

Все исследователи сходятся в понимании архаичности культа женского божества у скифов, который считается пережитком предыдущей эпохи. Какую же из трех известных богинь скифского пантеона могла олицетворять похороненная в Аржане-2 женщина?

С. С. Бессонова подробно рассмотрела женские божества скифов, показав многозначность

этих образов (Бессонова 1983, с. 27—41). Важным представляется, что основные источники, на которые опираются исследователи в своих разработках, относятся к значительно более позднему времени, чем погребение в тувинском царском кургане. Не исключено, что, как отмечал еще М. И. Артамонов (1961, с. 65), образы женских божеств могли трансформироваться, слиться в единый образ или, напротив, разделиться из одного прообраза. Не случайно каждому из них приписываются функции плодородия, что естественно отражает основную женскую сущность.

Материалы кургана Аржан-2 наиболее полно демонстрируют близость женщины, помещенной в одну могилу с «царем», образу скифской богини Табиты, соответствующей по Геродоту греческой Гестии (IV, 59). Прежде всего, сама её локализация вместе с «царем» соответствует статусу «царицы» — хранительницы царского очага. Атрибуты, найденные в женской зоне, включают каменные жертвенники, которые, по мнению М. И. Артамонова, присущи именно этому божеству (Артамонов 1961, с. 64). Зеркала, являющиеся, по мнению многих исследователей, принадлежностью Аргимпасы, были положены перед лицами обоих погребенных в могиле, что может указывать на то, что они не являются их личными атрибутами. Вероятно, условия ритуала требовали именно такого размещения этих сакральных предметов. Обычно зеркала находятся в районе пояса, как в других женских могилах Аржана-2 и алды-бельской культуры Тувы в целом. Но более всего на отождествление с Табиты указывают не столько атрибуты, найденные в женской зоне основной могилы, сколько планиграфия самого погребально-поминального комплекса.

Вокруг кургана Аржан-2, как и других подобных памятников на могильных полях в долине Уюка, сооружены ряды кольцевых оград (рис. 5). Раскопки их показали наличие внутри скоплений пережжённых костей животных, без следов прокалённого грунта и с очень незначительным количеством мелких угольков. Такие сооружения можно интерпретировать, как модели очагов, куда высыпались принесённые кости, сожжённые где-то в другом месте. Рассмотрение особенностей планиграфии этих оград позволяет предположить, что сооружение их происходило не одновременно, а последовательно, на протяжении какого-то времени в рамках выполнения обрядов рядом с курганом.

Реконструкция этих обрядов может быть представлена следующим образом. Сооружение первых ритуальных очагов, вероятно, было начато еще на первых этапах функционирования погребально-поминального комплекса, дискретность постройки которого доказана стратиграфическими наблюдениями и исследованием материалов из сопроводительных могил (Чу-

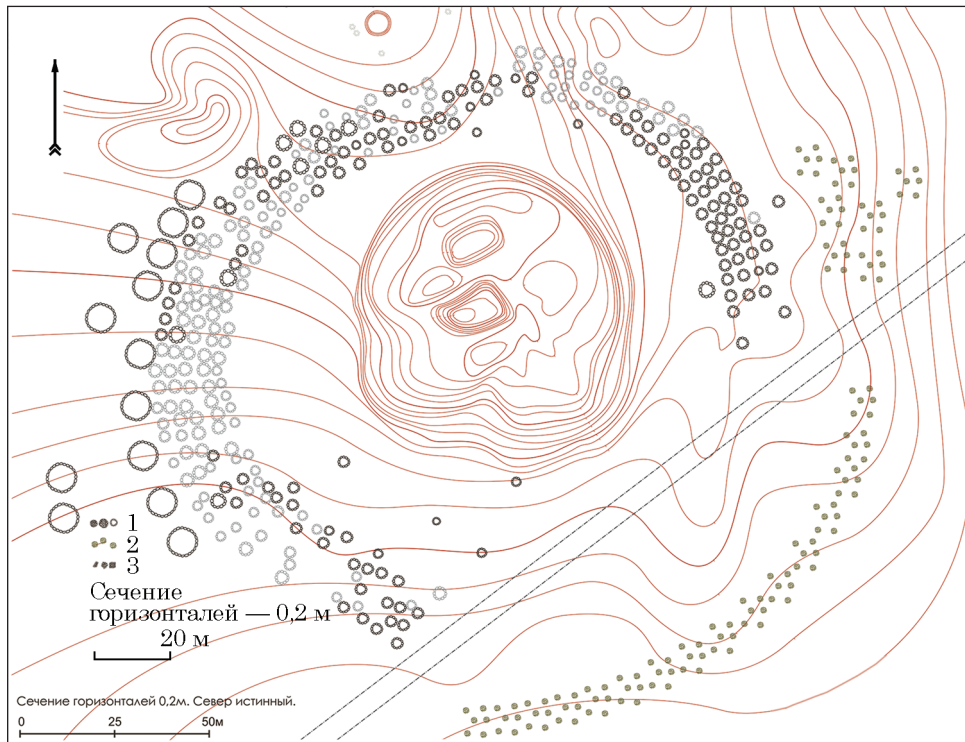

Рис. 5. План погребально-поминального комплекса Аржан-2. Выполнен А. Г. Акуловым по материалам Центрально-Азиатской экспедиции 2000—2004 гг. с уточнениями по съемке из отчета М. П. Грязнова 1973 г.: 1 — каменные сооружения; 2 — зона каменных кладок; 3 — каменные вымостки и развалы камней

гунов 2011b). С востока они образуют четыре правильных ряда, что позволяет предполагать начало строительства оград именно здесь. Не исключено, что первоначальное количество очагов соответствовало каким-то структурным единицам племени, так как на этом участке их ряды количественно соответствуют четырем рядам припаянных фигурок хищников на лицевом щитке царской гривны. Далее кольца очагов сооружались «против солнца» — к северу и западу от кургана. Возможно, ограды большого диаметра, расположенные на западе комплекса за крайней линией рядов очажных колец, были сооружены в последнюю очередь. В них, помимо кальцинированных костей, найдены капли расплавленного золота и бронзы, сильно оплавленные предметы. Такие ограды, выделяющиеся своими размерами, фиксируются и у других «царских» мемориалов в долине.

Отсутствие следов огня внутри колец говорит о том, что кости сжигались где-то в другом месте. Не исключено, что обряды, связанные со сжиганием мяса жертвенных животных, производились кочевниками в реальных очагах жилищ или родовых святилищах на местах кочевий. Кости, оставшиеся от принесенных жертв, собирались и хранились, чтобы затем их можно было высыпать рядом с «царским» курганом внутри сооруженного очага. Скорей всего для совершения этого обряда, в обусловленное ритуалом время, у кургана собиралось все племя. Такие очаги и являлись, вероятно,

теми «царскими гестиями», клятва которыми была у скифов священной. Множественность их, вызывающая у исследователей столько вопросов, здесь получает зримое подтверждение.

Несомненно, такой обряд мог воплощать, как предполагал М. И. Артамонов, «представление не только о домашнем очаге, но и об единстве всего племени, культ которого связывался с царским домом» (Артамонов 1961, с. 58). Истоки его, адаптированные к кочевому образу жизни, могут лежать в тех же областях Маргианы, откуда, возможно, и был, как отмечено выше, заимствован культ женского божества. Там обнаружены специальные круглые помещения для хранения священной золы из алтарей (Сарианиди 2002, с. 189). Таким образом, следы культа огня, которые исследователи ищут и почти не находят в погребальном обряде кочевых культур скифского типа, оказываются выражены у них совсем иначе.

Мне кажется, что предложенная реконструкция в какой-то степени примиряет между собой многие, высказанные исследователями, противоречивые предположения о сущности культа Табити-Гестии у кочевников. Женщина в Аржане-2 могла являться для носителей культуры и божеством — женой «царя», приобщенного к ней через священный брак; и богиней «царского» очага, и покровительницей очага каждой семьи или рода.

Вероятно, подобный культ был широко распространен в кочевом мире и имел продолжи-

тельную историю развития. Кольцевые ограды строились по определенному заранее плану, составляя с другими частями погребального комплекса продуманный мемориальный ансамбль (Акулов 2017). Кроме Тувы такие ограды известны в Восточном Казахстане и Семиречье у курганов Беспатыра, в тасмолинской культуре Центрального Казахстана, где они могут восходить к подобным сооружениям предыдущей эпохи (Бейсенов 2015; Варфоломеев 2017). Связь культуры раннескифского времени Тувы и Казахстана несомненна и обусловлена процессами культурогенеза на этой территории (Чугунов 2015). В каждом регионе проявления культа имеют свои особенности. Возможно, в некоторых областях скифо-сакского мира культ женского божества привел к появлению обществ, во главе которых стояла женщина. На это прямо указывает рассказ Геродота о царице массагетов Томирис (Herod. I, 205), а археологическим подтверждением сейчас может выступать упомянутый выше курган 1 могильника Бугры, где центральная могила с некогда богатейшим захоронением была женской.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, В. И. 1949. *Осетинский язык и фольклор*. Москва, Ленинград: АН СССР.
- Авеста в русских переводах (1861—1996). 1997. Рак, И. В. (ред.). Санкт-Петербург.
- Акишев, А. К. 1984. *Искусство и мифология сакков*. Алма-Ата: Наука.
- Акишев, К. А. 1978. *Курган Иссык. Искусство сакков Казахстана*. Москва: Искусство.
- Акулов, А. Г. 2017. Мемориалы нобилитета скифского времени в южносибирских и казахстанских степях. В: Бейсенов, А. З., Ломан, В. Г. (ред.). *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение*. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2, с. 16-24.
- Артамонов, М. И. 1961. Антропоморфные божества в религии скифов. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 2, с. 57-87.
- Бейсенов, А. З. 2015. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры. *Вестник Томского государственного университета. История*, 4 (36), с. 96-104.
- Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.
- Варфоломеев, В. В. 2017. Каменные жертвенные кольца на р. Карагайлы в верховьях Ишима. В: Бейсенов, А. З., Ломан, В. Г. (ред.). *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение*. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2, с. 90-95.
- Калинина, И. В. 2009. *Очерки по исторической семантике*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Литвинский, Б. А. 1982. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии: опыт истолкования в свете истории религии. *Советская этнография*, 4, с. 34-43.
- Лохов, К. И., Бережная, Н. Г., Матуков, Д. И., Бокоренко, Н. А., Зайцева, Г. И., Чугунов, К. В., Скотт, Е. М. 2007. Изотопный состав стронция в костях из древних захоронений Саяно-Алтая как индикатор места проживания и миграции. В: Зайцева, Г. И., Кулькова, М. А. (ред.). *Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, с. 263-273.
- Массон, В. М. 1976. *Экономика и социальный строй древних обществ*. Ленинград: Наука.
- Мачинский, Д. А. 1978. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии. В: Луконин, В. Г. (ред.). *Культура Востока. Древность и ранее средневековье*. Ленинград: Аврора, с. 131-150.
- Минасян, Р. С. 2004. Секреты скифских ювелиров. В: Пиотровский, М. Б. (ред.). *Аржан. Источник в долине царей*. Санкт-Петербург: Славия, с. 40-44.
- Раевский, Д. С. 1977. *Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии*. Москва: Наука.
- Рукавишников, И. В. 2017. Звериный стиль Аржана-5 (комплексный подход в изучении предметов, декорированных в зверином стиле). *Краткие сообщения Института археологии*, 247, с. 163-175.
- Сарианиди, В. И. 2001. *Некрополь Гонура и иранское язычество*. Москва: Мир-медиа.
- Сарианиди, В. И. 2002. *Древневосточное царство в старой дельте реки Муграб*. Ashgabat: Türkmen döwlethabarlary.
- Стеблин-Каменский, И. М. 2009. Вступительные статьи. В: Стеблин-Каменский, И. М. (ред.). *Гаты Заратуштры*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, с. 4-32.
- Тишкин, А. А. 2012. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая. В: Blajer, W. (ред.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochowski dedicati*. Krakow: Profil-Archeo, с. 501-510.
- Чугунов, К. В. 2005. Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 37, с. 66-90.
- Чугунов, К. В. 2006. Сосуд Гестии или чаша Геракла? Размышления по поводу одного шедевра. В: Никонова, А. А. (ред.). *In Situ: к 80-летию проф. А. Д. Столяра*. Санкт-Петербург: СПбГУ, с. 200-207.
- Чугунов, К. В. 2011а. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы. В: Мачинский, Д. А. (ред.). *Европейская Сарматия*. Санкт-Петербург: Нестор-история, с. 39-60.
- Чугунов, К. В. 2011б. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии. *Российский археологический ежегодник*, 1, с. 262-335.
- Чугунов, К. В. 2015. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы). *Труды Государственного Эрмитажа*, 77, с. 457-486.
- Чугунов, К. В. 2016. Торевтика азиатских nomadov и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2. В: Балахванцев, А., Куллада, С. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа*. Москва: ИВ РАН, с. 242-247.
- Чугунов, К. В. 2017. Исследования кургана 1 могильника Бугры в предгорьях Алтая. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 41, с. 126-142.
- Шульга, П. И. 2003. *Могильник скифского времени Локоть 4а*. Барнаул: Алтайский университет.
- Neef, N. 2010. Die Pflanzenreste. In: Çugunov, K., Parzinger, H., Nagler, A. *Der skythenzeitliche Fürsten-*

kurgan Aržan-2 in Tuva. *Archäologie in Eurasien*, 26. *Steppenvölker Eurasiens*. Mainz, 3, S. 242-249.

Rawson, J. 2017. China and the steppe: reception and resistance. *Antiquity*, 91, p. 375-388.

REFERENCES

Abayev, V. I. 1949. *Osetinskiy yazyk i folklor*. Moskva, Leningrad: AN SSSR.

Avesta v russkikh perevodakh (1861—1996). 1997. Rak, I. V. (ed.). Sankt-Peterburg.

Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov*. Alma-Ata: Nauka.

Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana*. Moskva: Iskusstvo.

Akulov, A. G. 2017. Memorialy nobiliteta skifskogo vremeni v yuzhnosibirskikh i kazakhstanskikh stepyakh. In: Beysenov, A. Z., Loman, V. G. (ed.). *Arkheologicheskoye naslediyе Tsentralnogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye*. Almaty: Begazy-Tasmola, 2, s. 16-24.

Artamonov, M. I. 1961. Antropomorfnyye bozhestva v religii skifov. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2, s. 57-87.

Beysenov, A. Z. 2015. Okolokurgannyye zhertvenniki kak raznovidnost pamyatnikov tasmolinskoй kultury. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 4 (36), s. 96-104.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavleniya skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Varfolomeyev, V. V. 2017. Kamennyye zhertvennyye koltsa na r. Karagayly v verkhoviyakh Ishima. In: Beysenov, A. Z., Loman, V. G. (ed.). *Arkheologicheskoye naslediyе Tsentralnogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye*. Almaty: Begazy-Tasmola, 2, s. 90-95.

Kalinina, I. V. 2009. *Ocherki po istoricheskoy semantike*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Litvinskiy, B. A. 1982. «Zolotyе lyudi» v drevnikh pogrebeniyakh Tsentralnoy Azii: opyt istolkovaniya v svete istorii religii. *Sovetskaya etnografiya*, 4, s. 34-43.

Lokhov, K. I., Berezhnaya, N. G., Matukov, D. I., Bokenko, N. A., Zaytseva, G. I., Chugunov, K. V., Skott, E. M. 2007. Izotopnyy sostav strontsiya v kostyakh iz drevnikh zakhoroneniy Sayano-Altaya kak indikator mesta prozhivaniya i migratsii. In: Zaytseva, G. I., Kulkova, M. A. (ed.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, s. 263-273.

Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsialnyy stroy drevnikh obshchestv*. Leningrad: Nauka.

Machinskiy, D. A. 1978. Pektoral iz Tolstoy Mogily i velikiye zhenskiye bozhestva Skifii. In: Lukonin, V. G. (ed.). *Kultura Vostoka. Drevnost i raneye srednevekovye*. Leningrad: Avra, s. 131-150.

Minasyan, R. S. 2004. Sekrety skifskikh yuvelirov. In: Piotrovskiy, M. B. (ed.). *Arzhan. Istochnik v doline tsarey*. Sankt-Peterburg: Slaviya, s. 40-44.

Rayevskiy, D. S. 1977. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen. Opyt rekonstruktsii skifskoy mifologii*. Moskva: Nauka.

Rukavishnikova, I. V. 2017. Zverinyy stil Arzhana-5 (kompleksnyy podkhod v izucheniі predmetov. dekorirovannykh v zverinom stile). *Kratkie soobsheniya Instituta arheologii*, 247, s. 163-175.

Sarianidi, V. I. 2001. *Nekropol Gonura i iranskoye yazychestvo*. Moskva: Mir-media.

Sarianidi, V. I. 2002. *Drevnevostochnoye tsarstvo v staroy delte reki Mugrab*. Aşgabat: Türkmenöwlethabarlary.

Steblyn-Kamenskiy, I. M. 2009. Vstupitelnyye stati. In: Steblyn-Kamenskiy, I. M. (ed.). *Gaty Zaratushtry*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, s.4-32.

Tishkin, A. A. 2012. Znachenіye arkheologicheskikh issledovaniy krupnykh kurganov skifo-sarmatskogo vremeni na pamyatnike Bugry v predgoriyakh Altaya. In: Blajer, W. (ed.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicate*. Krakow: Profil-Archeo, s. 501-510.

Chugunov, K. V. 2005. Kurgany ranneskifskogo vremeni mogilnika Kopto i vopros sinkhronizatsii aldy-belskoy i tagarskoy kultur. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 37, s. 66-90.

Chugunov, K. V. 2006. Sosud Gestii ili chasha Gerakla? Razmyshleniya po povodu odnogo shedevara. In: Nikonova, A. A. (ed.). *In Situ: k 80-letiyu prof. A. D. Stolyara*. Sankt-Peterburg: SPbGU, s. 200-207.

Chugunov, K. V. 2011a. Iskusstvo Arzhana 2: stilistika, kompozitsiya, ikonografiya, ornamentalnyye motivy. In: Machinskiy, D. A. (ed.). *Evropeyskaya Sarmatiya*. Sankt-Peterburg: Nestor-istoriya, s. 39-60.

Chugunov, K. V. 2011b. Arzhan 2: rekonstruktsiya etapov funktsionirovaniya pogrebalno-pominalnogo kompleksa i nekotoryye voprosy ego khronologii. *Rossiyskiy arkheologicheskii ezhegodnik*, 1, s. 262-335.

Chugunov, K. V. 2015. Formirovaniye kultur rannikh kochevnikov v Kazakhstane i Sayano-Altaye (k postanovke problemy). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 77, s. 457-486.

Chugunov, K. V. 2016. Torevtika aziatskikh nomadov i Drevniy Vostok: k voprosu ob odnom iz komponentov iskusstva Arzhana 2. In: Balakhvantsev, A., Kullanda, S. (ed.). *Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza*. Moskva: IV RAN, s. 242-247.

Chugunov, K. V. 2017. Issledovaniya kurgana 1 mogilnika Bugry v predgoriyakh Altaya. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 41, s. 126-142.

Shulga, P. I. 2003. *Mogilnik skifskogo vremeni Lokot 4a*. Barnaul: Altaiskii universitet.

Neef, N. 2010. Die Pflanzenreste. In: Čugunov, K., Parzinger, H., Nagler, A. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan-2 in Tuva. Archäologie in Eurasien*, 26. *Steppenvölker Eurasiens*, 3. Mainz, S. 242-249.

Rawson, J. 2017. China and the steppe: reception and resistance. *Antiquity*, 91, p. 375-388.

K. V. Chugunov

KINGS AND GODS OF ASIAN SCYTHIA (Based on the Material of the Arzhan-2 Barrow)

The article is devoted to the reconstruction of the mythology of the nomads of the Tuva early Scythian times. An attempt to determine the status of a man and a woman buried in the burial of the Arzhan-2 mound is made on the basis of archaeological data and works on the reconstruction of the mythology of the Scythian-Saka tribes. The study showed that the man was a «king» with the attributes of Yima's progenitor, and the woman was associated with the goddess of the royal hearthstone Tabithi. In addition, the role of gold in the funeral rites of early nomads and the correspondence of archeology and written sources are examined.

Keywords: funeral-memorial complex, mythology of Scythian-Saka tribes, male and female attributes and costumes.

Одержано 23.02.2018

ЧУГУНОВ Костянтин Володимирович, старший науковий співробітник, Державний Ермітаж, Дворцова набережна, 34, Санкт-Петербург, 191186, Росія, chugunovk@mail.ru.

CHUGUNOV Konstantin Vladimirovich, Senior Researcher, State Hermitage Museum, Dvortsovaya Embankment, 34, Sankt-Peterburg, 191186, Russia, chugunovk@mail.ru.